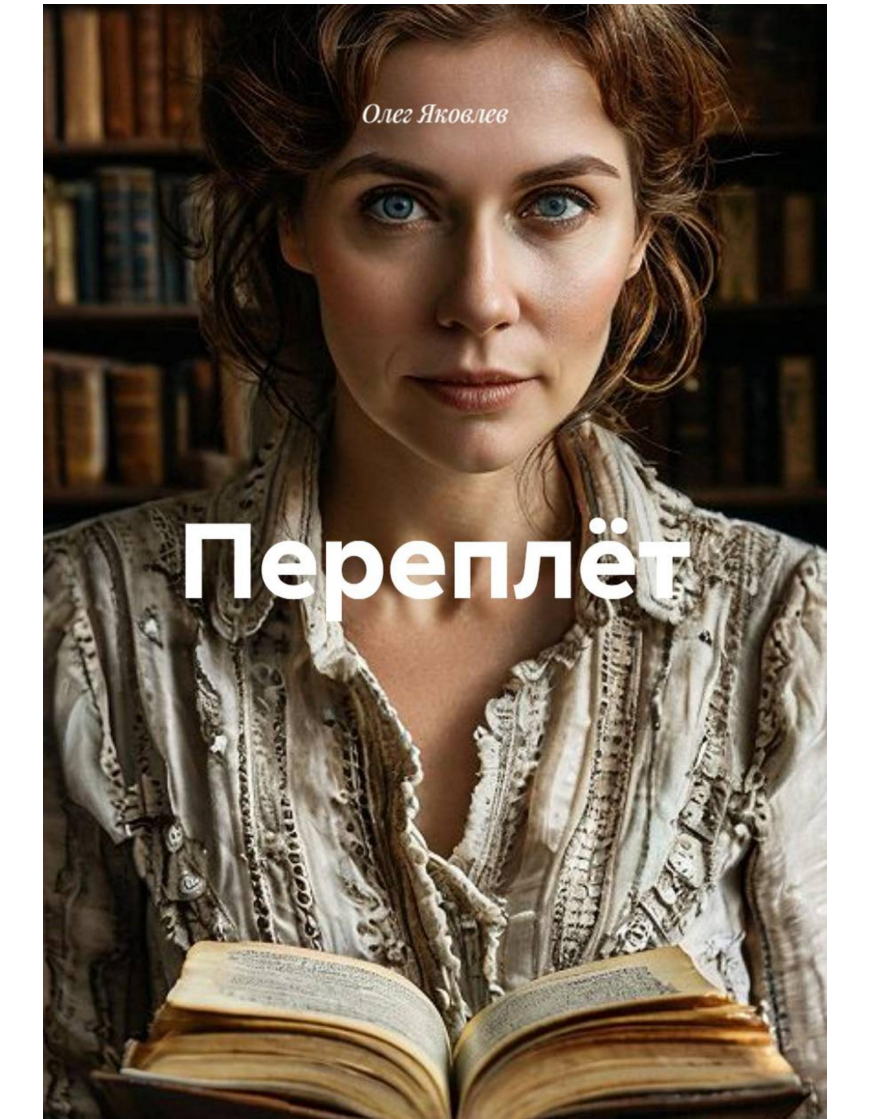

Олег Яковлев

Переплёт

Олег Яковлев

Переплёт

<https://litres.ru/74359923>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тридцать семь Ася Корнеева умеет всё: держать типографию, гасить чужие пожары, быть удобной. Не умеет одного — ответить, чего она хочет. Ответа нет: там, где он должен быть, пусто и тихо, как в комнате, из которой вывезли мебель, — и по обоям видно, где стоял шкаф.

Она попала в переплёт — и нашла переплёт. Старого реставратора, промывочную ванну, шило, шнуры и правило, которое перевернёт ей жизнь: реставратор не подделывает утраченное, он восполняет утрату так, чтобы было видно, где она была.

Пять лет и пять частей — расшивка, промывка, восполнение утрат, сшивка, тиснение. Разошедшийся по швам брак. Ложный учитель с настоящим инструментом в руках. Двадцать просьб, которые страшнее увольнения. Девочка, которая заикается. Тетрадь, сшитая сельской учительницей в сорок втором.

Роман о том, как перестать закрашивать дыры под цвет обоев — и заработать право поставить на сделанном своё имя.

Олег Яковлев

Переплёт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАСШИВКА

Расшивка — разъединение книжного блока на тетради с удалением старых нитей и клея. Производится в тех случаях, когда сохранение существующего переплёта невозможно или бессмысленно.

Из учебного пособия по реставрации документов

Глава 1

Ночная смена

В типографии всегда пахло одинаково — тёплой бумагой, спиртом и чем-то сладковатым, что Ася про себя называла запахом денег. Так пахнет свежая краска на мелованном листе в первые полчаса после печати, пока она ещё не встала. Через полчаса запах уходит, остаётся только бумага. Ася знала это, как женщина знает, сколько держатся её духи.

Было двадцать минут третьего.

Она стояла у приёмного стола четвёртой машины, и мастер Валера Гушин, немолодой, с ладонями цвета типографской краски, держал перед ней сигнальный лист так, как держат рентгеновский снимок — на просвет, чуть отставив.

— Гляньте, Анастасия Дмитриевна. Тридцать четвёртая полоса.

Она поглядела. Каталог сети гипермаркетов «Провиант», зимний выпуск, семьсот тысяч экземпляров, восемьдесят полос, полный цвет. Разворот с мясом. Кусок вырезки лежал на разделочной доске в окружении розмарина и был не красный, а лиловатый, будто мясо неделю пролежало на витрине и его подсветили из милосердия.

— Пурпур ушёл, — сказал Валера. — Мы дали компенсацию, вроде выправили, а через две тысячи оттисков опять поплыло. Резинка, наверное. Или у них файл кривой изначально, я профиль смотрел — там чёрт ногу сломит.

— Сколько уже отпечатали?

— Двадцать восемь тысяч.

Ася взяла лист сама. Поднесла к лампе. Мясо было мёртвое. Не то чтобы это кто-нибудь заметил — покупательница в Автозаводском районе, листаящая каталог у почтового ящика, не разбирается в пурпуре и не должна. Но заказчик — Юля из маркетинга «Провианта», девочка двадцати шести лет с идеальным маникюром и абсолютной властью, — заметит обязательно, потому что ей за это платят, и заметит она это ровно на том развороте, куда положено смотреть.

Значит, вопрос был не в мясе.

Вопрос был в том, останавливать ли машину.

Остановить — это два часа простоя, перемывка, новые формы, смещение всего графика на сутки, ночная бригада на переработке и, скорее всего, срыв отгрузки в Киров. Не остановить — это риск, что Юля из «Провианта» найдёт лиловое мясо через неделю, когда весь тираж уже разъедется по складам, и тогда будет не два часа, а разговор про штраф в шесть процентов и «мы пересматриваем отношения с подрядчиком».

Ася считала это в уме и одновременно — с той второй, отдельной частью себя, которая работала всегда и никогда не

выключалась, — считала кое-что ещё.

Что через семь часов у неё совещание.

Что дома в холодильнике осталась половина куриной грудки, и надо было по дороге заехать в магазин.

Что послезавтра ей исполнится тридцать семь.

— Валер, — сказала она. — Останавливаем.

Он посмотрел на неё с той особой благодарностью, которую испытывают к начальству, взявшему решение на себя.

— Тогда я Кольку подниму, он резинки поменяет.

— Поднимай. Я подпишу простой.

— Волин заругается.

— Волин заругается в любом случае, — сказала Ася. —

Пусть заругается за то, чего не случилось. Это дешевле.

Она вышла в цех и постояла с минуту, ни о чём не думая.

Ночью типография была красива — по-настоящему, как бывает красив любой большой работающий механизм, если смотреть на него без цели. Четыре печатные машины стояли в ряд, длинные, как вагоны, и лампы над ними лежали ровными белыми полосами. Гудела вентиляция. С фальцевального участка доносился ритмичный, как метроном, стук. Пахло тёплой бумагой. Пахло деньгами.

Ася любила это место. Вот в чём была вся штука: она его любила. Ей нравилась точность, нравилось, что здесь всё можно измерить — плотность, влажность, линиатуру растра, отклонение по денситометру, — и что всякий спор здесь можно закончить, вынув прибор. Ей нравилось, что она за

десять лет выучила это ремесло так, как женщины её круга учат языки, и знает про офсет больше, чем половина мужчин в этом цеху.

И ещё ей нравилось, что здесь она — Анастасия Дмитриевна, и когда она входит, разговор становится короче и точнее.

Она поднялась к себе на второй этаж, в стеклянный аквариум коммерческого отдела, и подписала акт о технологическом простое. Ручка была с логотипом «Гелиос-принт», их же продукции, из партии корпоративных сувениров, которые Ася три года назад придумала и до сих пор считала лишними.

Потом села и полминуты смотрела в чёрное окно, где отражался её собственный кабинет.

Женщина в отражении сидела прямо, потому что иначе к вечеру начинало тянуть между лопаток. Тёмные волосы собраны, чтобы не лезли в глаза у машины. Серый джемпер хорошей шерсти, купленный на распродаже в феврале. Всё в ней было в порядке. Настолько в порядке, что хоть в рамку ставь.

«Тридцать семь», — подумала Ася без всякого повода и удивилась, что подумала это дважды за ночь.

*

Домой она приехала в четверть пятого.

Двор спал. Их дом стоял на Верхневолжской стороне, не у самой набережной, но так, что если выйти на угол и пройти

сто метров, открывался Откос и вся тёмная чаша завожбя с редкими огнями. Ася почти никогда туда не ходила. Вид, за который они переплатили при покупке, лежал в ста метрах от подъезда и был так же не использован, как абонемент в бассейн.

В квартире было темно и тепло. Она разулась в темноте, привычно, не включая свет, чтобы не разбудить.

Костя спал на своей половине, лицом к стене, подтянув колени. Он всегда спал так — компактно, аккуратно, занимая ровно свою часть кровати, как человек в поезде, который не хочет мешать попутчику. За четырнадцать лет он ни разу не разбросался во сне.

Ася легла и долго лежала на спине с открытыми глазами.

За стеной сосед сверху вставал в туалет, шумела вода. Потом стало тихо. Потом первый трамвай прошёл по Белинского, далеко, звук был мягкий, почти приятный.

Она попробовала уснуть привычным способом — разложить завтрашний день по пунктам, чтобы голова успокоилась, получив расписание. Совещание в десять. Волин, отчёт по марже за квартал. Разговор с Юлей из «Провианта» — обязательно позвонить самой, до того как позвонит она. Собеседование на менеджера в отдел. Записать машину на сервис. Продукты. Мама.

Пункты кончились.

И тогда в голове осталась одна фраза — короткая, ясная, не имеющая никакого отношения к пунктам, и лежала она

там, как камешек в ботинке.

«А чего я хочу?»

Ася усмехнулась в темноте. Вопрос был подростковый, из тех, что печатают в глянце с пометкой «задайте себе». Взрослому человеку не полагается его задавать в половине пятого утра, имея ипотеку, должность и семьсот тысяч каталогов на складе.

Она честно попыталась ответить.

Хочу выспаться — это не то, это про усталость.

Хочу в отпуск — это тоже про усталость.

Хочу, чтобы «Провиант» подписал годовой контракт, — это не «хочу», это «надо», просто «надо» с хорошей маржой.

Она лежала и перебирала, и с каждым перебором становилось всё яснее, что где-то внутри, там, где у человека должен быть ответ, ничего нет. Не пусто в смысле боли — пусто в смысле тишины. Как в комнате, из которой вывезли мебель, и обои по краям темнее, чем в середине: видно, где стоял шкаф.

«Я не помню, чего я хочу», — подумала Ася.

И вслед за этим, спокойно, как диагноз:

«Я, кажется, не помню этого довольно давно».

Костя во сне вздохнул и повернулся. Ася замерла, чтобы не разбудить.

Заснула она в шесть, за час до будильника.

*

Утром всё было как всегда, и это было почти утешением.

В восемь она пила кофе стоя, у окна кухни, потому что сидя чувствовала, до какой степени не выпалась. Костя ел овсянку. Он ел овсянку четыре года, с тех пор как терапевт сказал про холестерин, и делал это с той же ровной обстоятельностью, с какой делал всё: разложил, посолил, съел, помыл тарелку, поставил в сушилку.

— Ты во сколько пришла? — спросил он.

— В пятом.

— Опять машина?

— Опять машина.

Он кивнул. Он всегда кивал. В этом не было равнодушия — Ася честно могла бы сказать под присягой, что равнодушия в этом нет. Костя пятнадцать лет проектировал схемы для приборостроительного завода и относился к жизни как к плате: если элемент работает, к нему не лезут. Жена приходит в пятом часу, потому что у неё производство. Элемент работает. Лезть незачем.

— В пятницу к маме твоей едем? — спросил он.

— Я хотела в субботу.

— В субботу у меня гараж. Мы с Сашкой договорились колёса менять.

— Тогда в пятницу, — сказала Ася.

— Тогда в пятницу, — согласился он.

Он взял ключи, поцеловал её в висок — быстро, без нажима, как ставят печать, — и ушёл.

Ася осталась стоять с чашкой.

Разговор занял сорок секунд и был исчерпывающим. Ни одного лишнего слова. Вообще ни одного слова, которое нельзя было бы отправить эсэмэской.

Она попробовала вспомнить, когда они в последний раз говорили дольше десяти минут не про логистику.

Вспомнилось такое: три года назад, в машине, застряли на мосту на полтора часа. Говорили про то, что если бы дали второе высшее бесплатно, кто бы что выбрал. Костя сказал — океанологию. Ася засмеялась и спросила почему, и он ответил очень серьёзно: «Потому что там всё ещё много неизвестного». Она это запомнила.

А что тогда сказала она? Что она выбрала бы?

Не вспомнилось.

Она вымыла чашку, поставила в сушилку и поехала на работу.

*

В одиннадцать, после совещания, на котором Волин двадцать минут говорил про «падение рынка коммерческой полиграфии на восемнадцать процентов» и ни разу не посмотрел на неё, Асе понадобилось на склад — проверить, отгрузили ли пробную партию по «Магнолии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.